

УДК 343.236.3

КЛАССИФИКАЦИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОМЕНТУ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О. С. Хорошилова

THE CORPUS DELICTI CLASSIFICATION BY THE MOMENT OF CRIME COMPLETION

O. S. Khoroshilova

В статье анализируются классификации составов преступлений по моменту их окончания. Автор считает необоснованным выделение большого количества видов составов преступлений по моменту их окончания и приходит к выводу, что многие выделяемые в научной литературе виды составов преступлений не носят самостоятельного характера, а являются разновидностями других составов преступлений. В статье предложена в авторском видении классификация составов преступлений по моменту их окончания.

The paper analyzes the corpus delicti classification by the moment of crime completion. The author considers allocating of a large number of types of corpus delicti by the moment of completion to be unreasonable, and comes to the conclusion that many types of corpus delicti allocated in the scientific literature have no specific character, but are variations of other corpus delicti. The paper provides the author's vision of the classification of corpus delicti by the moment of crime completion.

Ключевые слова: момент окончания преступления, материальный состав, формальный состав, усеченный состав, состав опасности.

Keywords: moment of crime completion, material corpus delicti, formal corpus delicti, corpus delicti of endangering.

Любое преступление является поведенческим актом, деянием, соответственно имеет определенные временные границы, свое начало и завершение. Поэтому правильное их установление имеет первостепенное значение для квалификации преступлений, в том числе для разграничения оконченных и неоконченных преступлений. Для того чтобы констатировать наличие в деянии состава преступления, необходимо определить, достигнут ли момент окончания преступления, под которым обычно понимается момент, когда в деянии получают свое отражение все признаки, содержащиеся в составе преступления. Данное положение следует из законодательно закрепленной в ч. 1 ст. 29 УК РФ дефиниции оконченного преступления.

Момент окончания преступления присущ всем преступлениям без исключения. Не совсем корректно утверждать, что оконченными могут быть только прямоумышленные преступления, поскольку только с данной формой вины могут совершаться неоконченные преступления: приготовления и покушения [2, с. 15]. Оконченное преступление – не антипод неоконченного. Иначе нам придется сделать вывод, что категории «оконченное преступление» или «момент окончания преступления» к неосторожным преступлениям или преступлениям с косвенным умыслом не относятся лишь на том основании, что неоконченных преступлений с данными формами вины не существует.

Если мы говорим о преступлении как об оконченном, мы подразумеваем, что в деянии наличествуют все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, а соответствующая санкция уголовно-правовой нормы будет определять те наказания, которые могут быть назначены за него. Это общее правило. Если же перед нами преступление неоконченное, то мы говорим о расширении границ уголовно-правового регулирования, о возможности привлечь лицо к ответственности на более ран-

них стадиях совершения преступления. Это скорее исключение из правила и устанавливается оно только в том случае, если такого рода предварительные деяния представляют значительную общественную опасность. Поэтому вполне обоснованны уголовная наказуемость приготовления и покушения исключительно при совершении преступлений с прямым умыслом, поскольку данный вид преступлений наиболее общественно опасен по сравнению с неосторожными преступлениями или преступлениями с косвенным умыслом.

В науке уголовного права принято делить оконченные преступления в зависимости от их конструкции на материальные, формальные и усеченные. Преступления с материальным составом считаются оконченными с момента наступления последствий, с формальным – с момента совершения деяния, а момент окончания преступлений с усеченным составом перенесен на стадию приготовления или покушения [7, с. 81].

Устоявшийся в науке взгляд на триаду материальных, формальных и усеченных составов преступлений в последнее время претерпевает определенные изменения.

Во-первых, до сих пор возникают споры по поводу основания для данной классификации составов. В качестве такового выделяют:

- 1) конструкцию состава [1; 4; 6, с. 16],
- 2) момент окончания преступления [2, с. 18],
- 3) стадию совершения преступления, нашедшую свое выражение в моменте окончания преступления [3, с. 136; 5, с. 12].

Конструкция состава представляет собой набор конкретных признаков каждого элемента состава преступления, закрепленных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Если в основание классификации составов мы положим это понятие, то нам придется

отказаться от выделения в самостоятельный вид усеченных составов, поскольку с точки зрения конструкции они ничем не будут отличаться от формальных, которые считаются оконченными с момента завершения деяния. Разбой – нападение, т. е. выражается в совершении лицом деяния, как и похищение человека или изнасилование, поскольку ни при разбое, ни при похищении, ни в других приведенных примерах для привлечения лица к уголовной ответственности установление материализованных последствий не требуется.

Конструкция объективной стороны больше подходит для выделения в качестве основания классификации составов, но не все признаки объективной стороны оказывают влияние на окончание преступления. С этой точки зрения важны только отдельные моменты объективной стороны: момент наступления последствий, момент окончания деяния, иногда момент начала деяния. Поэтому нельзя согласиться с тем, что составы делятся на материальные, формальные и усеченные именно по конструкции объективной стороны.

Стадии совершения преступления также не могут служить основанием для классификации составов. Стадии совершения преступления – это определенные этапы в развитии преступной деятельности, которые отражают, насколько полно умысел лица воплотился в конкретных действиях, направленных на достижение задуманного результата. Если связать преступления с формальным составом со стадией оконченного покушения, а преступления с материальным составом – со стадией оконченного преступления (или наступлением преступного результата), то возникает существенная проблема. Вне рамок классификации остаются все неосторожные преступления и преступления с косвенным умыслом, поскольку уголовно наказуемые стадии можно выделять только в прямоумышленных преступлениях.

При этом необходимо помнить, что в рамках двух уголовно-наказуемых стадий совершения преступления можно выделить подстадии. Например: при покушении на убийство деяние по причинению смерти может быть выполнено не в полном объеме, что приведет нас к констатации неоконченного покушения, либо может наступить меньший вред, чем был задуман лицом, тогда перед нами результативное покушение. Из этого следует, что в некоторых случаях преступление будет подпадать под категорию преступлений с формальным составом (как в приведенном нами примере), но в то же время, будут наличествовать материальные последствия, что вроде бы должно влечь за собой признание состава преступления материальным.

На наш взгляд, основанием классификации составов должен выступать исключительно момент окончания преступления, который зависит от конструкции состава и может быть перенесен законодателем на любую стадию совершения преступления [7, с. 81]. При этом выделять момент окончания преступления как самостоятельный признак состава преступления [5, с. 12] не представляется нам обоснованным. Момент окончания, как мы уже отмечали выше, произведен от отдельных признаков объективной стороны: деяния и последствий – и зависит от воли законодателя, поэтому можно констатировать, что самостоя-

тельной ценности не имеет в отрыве от деяния или последствий.

Во-вторых, для поддержания логической чистоты построения классификации некоторые ученые все составы предлагают в первую очередь делить на материальные и нематериальные [2, с. 18; 3, с. 136]. Момент окончания материальных составов связывается с наступлением реальных последствий (личного или имущественного вреда), момент окончания нематериальных составов от таковых не зависит. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку и формальные, и усеченные составы имеют общий признак, отличающий их от материальных, а именно, отсутствие необходимости установления материальных последствий для квалификации преступления как оконченного. Данный факт позволяет объединить эти два вида составов в одну группу – нематериальные составы.

В-третьих, в последнее время все больше ученых выступают с критикой усеченных составов и ставят вопрос о признании таких конструкций неудачными и об отказе от них при конструировании норм [2, с. 18]. Обосновывается указанная позиция нивелированием общественной опасности и невозможностью индивидуализации наказания при наступлении реального вреда. На наш взгляд, данную проблему можно разрешить путем разумного конструирования квалифицированных составов либо квалификации деяний по совокупности. Как нам представляется, полностью отказываться от усеченных составов не целесообразно, так как есть определенные виды особенно общественно опасных направлений преступной деятельности, которую разумно пресекать на стадии приготовления, не дожидаясь, когда для общественных отношений, благ, интересов будет создана реальная угроза причинения вреда и лицо перейдет к покушению. В то же время необходимо остерегаться криминализации деяний, проходящих в своем развитии только стадию обнаружения умысла.

В-четвертых, в последнее время ученые стали дополнять уже привычные материальные, формальные и усеченные составы преступлений новыми видами в рамках анализируемой классификации.

Довольно часто выделяются *составы опасности*, которые определяются как составы, считающиеся оконченными с момента создания реальной опасности наступления вреда охраняемым уголовным законом объектам. Наименование данной группы составов у разных ученых представлено по-разному: составы опасности называют составами создания опасности либо составами создания реальной опасности, либо составами поставления в опасность, что не мешает вкладывать одинаковое содержание в рассматриваемые понятия. По-разному определяется и место указанных составов в общепринятой классификации. Прослеживаются три подхода:

1. Составы опасности – отдельный вид составов преступления [5, с. 12; 6, с. 16].

2. Составы опасности – разновидность материальных составов [4, с. 9; 1, с. 12].

3. Составы опасности – разновидность формальных составов [2, с. 18].

На наш взгляд, первые два подхода менее обоснованы, чем третий. Момент окончания состава опасно-

сти – момент окончания деяния, опасность создается в ходе совершения деяния, она неотделима от него, подобную ситуацию мы наблюдаем и при совершении некоторых преступлений с формальными составами (например, связанных с наступлением нематериальных последствий). Поэтому рассматривать реальную опасность как самостоятельный вид последствий можно, но на классификационную принадлежность состава этот факт не повлияет.

Оснований для выделения состава опасности в отдельную категорию также, на наш взгляд, нет. Конечно, присутствует некое своеобразие конструкции в указанных составах, т. к. необходимо установление особого последствия, выраженного в виде реальной опасности, но моментом окончания тем не менее будет момент совершения деяния, что не отличается от момента окончания преступления с формальным составом.

Помимо составов опасности в юридической литературе выделяются *смешанные или комбинированные составы* [2, с. 18; 5, с. 13 – 15]. Это составы, в которые включены сразу два момента окончания, а иногда и три. Такая ситуация возможна, когда, например, деяние признается оконченным и с момента совершения покушения (формальный состав), и с момента наступления последствий (материальный состав). Примером могут служить ст. 275 УК РФ, ст. 316 УК РФ, ст. 110 УК РФ. На наш взгляд, таких ситуаций следует избегать при конструировании уголовно-правовых норм, поскольку неравноценные по своей общественной опасности деяния могут повлечь назначение одинакового наказания в рамках общей санкции, что приведет к нарушению принципа справедливости. Предпочтительнее в обозначенных случаях деяние с менее общественно опасным последствием закреплять в качестве основного состава, а деяние с более общественно опасным последствием выделять в квалифицированный состав [5, с. 14]. Особенно сильно данная проблема проявляется при имплементации международных норм в Уголовный кодекс РФ (см. напр. гл. 34 УК РФ).

Иногда к усеченным составам, момент окончания которых перенесен на стадию покушения или приготовления, причисляют составы «призывов» и «деликты соучастников» [5, с. 12 – 13], а смежными с усеченными составами объявляются составы «преступной прикосновенности», составы с двойной превенцией [5, с. 16].

Составы «призывов» (например, ст. 205.2 УК РФ) похожи на подстрекательство, хотя таковым в полном смысле слова не являются, поскольку призывом принято считать обращение к неопределенному кругу лиц с целью склонения их к совершению преступления (см., например [8, с. 19]).

«Деликты соучастников» (напр. ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1 ст. 209 УК РФ) по их содержанию, характеру деяний (пособничество, создание, руководство, вовлечение и др.) можно отнести к соучастию в большей мере. Отличие от соучастия в обычном понимании в том, что уголовная ответственность за совершение «деликтов соучастников» никак не связана с действиями исполнителя и наступает без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Специфика анализируемых составов заключается в том, что их общественная опасность не совсем самостоятельна. Она производна от повышенной общественной опасности некоторых видов преступной деятельности: например, террористической или экстремистской. Из-за значимости указанных видов деятельности, их вредоносности, законодатель полагает необходимым привлекать к уголовной ответственности лиц, которые еще только создают условия для выполнения самих террористических или экстремистских действий, что позволяет, на первый взгляд, расценивать данные составы преступлений как усеченные. Но необходимо помнить, что террористическая и экстремистская деятельность настолько сложна по своей структуре, что можно выделять деятельность организатора, пособника, подстрекателя, лица, призывающего к совершению указанных в законе преступлений, в качестве самостоятельных структурных единиц, самостоятельных преступлений, проходящих в своем развитии обычные стадии. Эта многоплановость позволяет придти к выводу о том, что деяния организаторов, подстрекателей и т. д., хотя и совершаются в большинстве своем на стадии создания условий для дальнейшего совершения преступлений, но все же, следует относить данные составы к формальным. Момент окончания указанных составов преступлений связан с совершением указанного в законе деяния, пусть это деяние является созданием условий для осуществления преступной деятельности в целом. При этом необходимо помнить о ненаказуемости обнаружения умысла и при конструировании составов рассматриваемого вида не устанавливать уголовную ответственность за мысли, произнесенные вслух и не подкрепленные конкретными действиями.

Наряду с усеченными составами выделяются составы «преступной прикосновенности» (напр., ст. 174 УК РФ, ст. 175 УК РФ), специфика которых заключается в том, что лица, их совершающие, создают благоприятные условия для выполнения преступления другими лицами. Эти преступления представляют собой относительно самостоятельную деятельность лиц, роль которых сводится к выполнению функций соучастников, поэтому указанные составы все же являются формальными, а не усеченными. Обоснование в данном случае то же, что и при рассмотрении составов призывов и деликтов соучастников.

Составы с двойной превенцией (напр., ст. 222 – 225 УК РФ), по нашему мнению, также не составляют самостоятельного вида составов преступления. Нельзя согласиться, например, с тем, что момент окончания незаконного приобретения огнестрельного оружия перенесен в область криминогенных детерминант, когда еще никаких стадий совершения конкретного преступления нет [5, с. 16]. Представляется, что, незаконно приобретая огнестрельное оружие, лицо уже нарушает порядок оборота обозначенных предметов, при этом у лица параллельно может наличествовать и умысел на использование оружия при совершении какого-либо преступления. С точки зрения момента окончания и конструкции в целом рассматриваемая группа составов ничем принципиально не отличается от формальных составов, скорее, автор пытается объяснить причину криминализации деяний

данного вида, поскольку нарушение порядка оборота не всяких видов предметов влечет за собой привлечение к уголовной ответственности.

Тем более нельзя сказать, что момент окончания составов «уголовно наказуемых угроз» (напр., ст. 119 УК РФ) находится в стадии обнаружения умысла [5, с. 16]. По нашему мнению, необходимо различать угрозу убийством как составную часть процесса умышленного лишения другого человека жизни и угрозу убийством как способ запугать лицо, воздействовать на его душевное, психическое состояние. В первом случае высказывание угрозы, если смерть наступает от деяния лица их высказавшего, полностью находится в рамках ст. 105 УК РФ. Во втором случае лицо не намеревается причинить вред жизни, и умыслом лица охватывается только воздействие на психику лица, но никак не убийство, из чего можно сделать вывод о том, что рассматриваемые составы различаются и по объектам [7, с. 79]. Поэтому можно сделать вывод о самостоятельности деяния, предусмотренного ст. 119 УК РФ, и охарактеризовать его состав как формальный.

Подводя итоги, предлагаем классификацию составов преступления по моменту их окончания. Подчеркнем еще раз, что разделены по данному основанию могут быть все без исключения преступления, независимо от формы вины. На первом уровне классификации делим составы преступления на матери-

альные (считаются оконченными с момента наступления материальных последствий в виде физического или имущественного вреда) и нематериальные (таких последствий нет). На втором уровне классификации нематериальные составы, в свою очередь, делятся на формальные (момент окончания связан с моментом завершения, выполнения деяния) и усеченные (момент окончания перенесен на более ранние стадии). Смешанные составы выделяем на обоих уровнях классификации.

Таким образом, по моменту окончания к преступлениям с формальным составом относятся:

– преступления, в которых последствия носят нематериальный характер (политический, моральный и т. д.; например, при взяточничестве) [3, с. 137], в том числе преступления, причисляемые к составам опасности (например, поставление в опасность заражения ВИЧ инфекцией),

– преступления, для квалификации которых в качестве оконченных установление материальных последствий не требуется (например, при похищении человека) [3, с. 137].

К преступлениям с усеченным составом относятся преступления, момент окончания которых переносится на более ранние стадии (например, при разбое момент окончания перенесен на начало деяния, что соответствует стадии покушения).

Литература

1. Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.
2. Иванчина С. А. Оконченное преступление: закон, теория, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
3. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 353 с.
4. Полупан Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 21 с.
5. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с.
6. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 27 с.
7. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово, 2012. 188 с.
8. Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

Информация об авторе:

Хорошилова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, up010911@mail.ru.

Olga S. Khoroshilova – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: *Черненко Тамара Геннадиевна* – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ).

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.